

Ностальгия по повседневности: киноцитата эпохи “застоя”

Ольга Труханова

◇ eSamizdat (XII), pp. 109-116 ◇

ОБИЛИЕ киноцитат в современной речи носителей русского языка нашло отражение в самых разных словарях, составленных в последние годы¹. Употребление фраз и отсылки к эпизодам из фильмов в быту и журналистике стало настолько популярным, что в 2001 г. был опубликован самый полный на сегодняшний день словарь под редакцией А. Кожевникова², вмещающий 15000 крылатых выражений из кинокартин, вышедших с 1931 г. по 2000 г. Киноцитате отведен отдельный раздел и в одном из относительно недавно вышедших словарей К. Душенко (2011 г.), в котором автор организует материал в алфавитном порядке не по заглавной букве цитаты, а по названию фильма³. Надо сказать, что оба словаря (в отличие от первопроходца Елистратова) не комментируют значение фраз, подразумевая их доступность для понимания носителей языка, при этом исключая не только иностранную аудиторию, но и молодые поколения, для которых узнавание “киношных” паремий не всегда является автоматическим.

Киноцитата (в речевом значении, а не в интертекстуальном) постепенно входит в разговорный обиход, начиная с 30-х гг. 20 в., точнее уже с первой звуковой картиной *Путевка в жизнь* (1931 г.), название которой быстро стало крылатым⁴. А с 50-х гг. этот процесс набирает обо-

роты, о чем свидетельствуют словари, регистрирующие новые вхождения, в том числе фразеологические⁵. Феномен киноцитаты, как порождения массовой культуры, которая создавалась, продвигалась и финансировалась за счет государства в практически полном отсутствии “народных черт”, со временем обрастает фольклорными признаками и становится частью так называемой народной культуры⁶. Эти процессы связаны с тем, что постепенно происходит стирание ассоциативного ряда фильм-крылатое выражение, киноцитаты часто вписываются в новые контексты, да и просто в памяти со временем происходит накладка с другими фильмами, поэтому их источник неизбежно забывается. То, что остается, так это конвенциональность и частотность повторения, что, по мнению Ричарда Стайтса, и способствует формированию новых проявлений народной культуры:

One of the peculiarities of the Russian popular culture is related to cultural politics but also has its own native roots. This is its relative conservatism and homogeneity until very recently; and the presence in it of themes, conventions, and commonplaces — many of them traceable to folklore and high culture — that repeated again and again in every popular genre. Separate studies of popular arts — songs, fiction, stage and cinema — have not always demonstrated the rich and powerful interconnection that allows culturally conditioned Soviet audience to decode effortlessly the various quotations, allusions, and symbols that recur so frequently in the popular entertainment. This cultural code is the secondary language that connects the artist and entertainers with their audience and reveals certain values, characteristics and aspirations of Russian people not easily discernible in

¹ В. Елистратов, *Словарь крылатых слов: русский кинематограф*, Москва 1999; *Большой словарь крылатых слов и выражений*, под ред. В. Беркова — В. Мокиенко — С. Шулежковой, Москва 2000. Одной из первых попыток систематизировать киноцитаты стала статья А. Ханютина, “166 наиболее употребительных паремий, имеющих кинематографическое происхождение”, *Киноведческие записки*, 1993, 19, сс. 45-54.

² А. Кожевников, *Большой словарь. Крылатые фразы и афоризмы отечественного кино*, Москва 2001.

³ К. Кушенко, *Словарь современных цитат*, Москва 1997.

⁴ См. подробнее об этом С. Шулежкова, “Никем не охраняе-

мый памятник износившейся любви...’ (крылатые выражения, восходящие к кинематографу и телевидению)”, Она же, *Крылатые выражения русского языка, их источники и развитие*, Москва 2002, с. 147.

⁵ *Словарь новых русских слов русского языка 1950-1980 гг.*, под ред. Н. Котеловой, Санкт-Петербург 1995.

⁶ Владимир Елистратов считает советский кинематограф в целом “неотъемлемой частью фольклора XX века”, В. Елистратов, *Словарь*, ук. соч., с. 7.

ideology of constitutions⁷.

Возвращаясь к словарям Кожевникова и Душенко, можно предположить, что отсутствие объяснений значения слов/выражений подразумевает их очевидность или скрытое приглашение пересмотреть фильм. Но основным посланием в этом случае становится своего рода негласное взаимопонимание между автором и пользователем такого справочника. Свою книгу *Общие места. Мифология повседневной жизни*, посвященную “археологии повседневности”⁸, Светлана Бойм начинает с выдвижения тезиса о том, что “понимание с полуслова было своего рода паролем в компанию единомышленников. Своих узнавали [...] не по тому, что было сказано, а по тому, что осталось недоговоренным”⁹. Одним из способов введения в речь киноцитаты является ее обрывочность, т.е., когда один из собеседников произносит какое-либо выражение из популярного фильма в ожидании, что адресат продолжит его или ответит другой цитатой, которая подходит по контексту. Иногда подобная словесная игра направлена лишь на провоцирование необходимой говорящему эмоции, связанной с конкретным эпизодом, и совсем не требует продолжения, а лишь соответствующей реакции собеседника, так как в коллективном представлении некоторые цитаты крепко связаны с тем или иным фильмом, в котором они были произнесены и нередко закреплены в сознании вместе с контекстом (микой, жестами, обстановкой).

Отсюда еще один важный аспект киноцитаты — бытовая описательность: ситуации, в которых уместно цитирование любимых фильмов не являются чем-то чрезвычайным, так как зачастую лишены сентенциозности и отражают рутинные моменты повседневного общения, например, повторяющаяся случайная встреча в одном и том же месте вместо приветствия шутиливо сопровождается цитатой названия фильма¹⁰ *Место встречи изменить нельзя* (1979 г.), а

⁷ R. Stites, *Russian Popular Culture. Entertainment and Society Since 1900*, Cambridge 1992, с. 5.

⁸ С. Бойм, *Общие места. Мифология повседневной жизни*, Москва 2002, с. 10.

⁹ Там же, с. 9.

¹⁰ Названия фильмов достаточно часто становятся крылатыми

просьба оставить человека в покое, стилизацией под древнерусский “Оставь меня, старушка, я в печали”, ставшей популярной благодаря фильму *Иван Васильевич меняет профессию*, а не литературному первоисточнику, автором которого является Михаил Булгаков. При утверждении, что нет ничего невозможного часто используется реплика секретарши Верочки из *Служебного романа*: “Можно, конечно, и зайца научить курить” и т. д.¹¹

Выбор временных рамок в этой статье обусловлен несколькими факторами. Именно в период правления Брежнева повседневность и быт выходя на первый план, заменив футуристические устремления: “the Brezhnev era paid for its relative stability with economic and cultural stagnation. No longer promising ‘a bright future’, Brezhnev-era films eradicated desire and taught the audience to be satisfied with the *status quo*”¹². Рассматривая предпосылки и причины краха социализма, Алексей Юрчак в своей книге *Это было навсегда, пока не кончилось* подчеркивает сложившийся парадокс, когда с одной стороны, это эпохальное событие застало всех врасплох, а с другой, было естественным и прогнозируемым. Не была лишена противоречий и каждодневная жизнь, но ее проявления, тем не менее, легли в основу сегодняшнего мифотворчества, обращенного в прошлое:

Положительные, творческие, этические стороны жизни были такой же органичной частью социалистической реальности, как и ощущение отчуждения и бессмысленности. Одной из составляющих сегодняшнего феномена “постсоветской ностальгии” является тоска не по государственной системе или идеологическим ритуалам, а именно по этим важным смыслам человеческого существования¹³.

Целью данного исследования является рассмотрение киноцитаты как пограничного феномена. На сегодняшний день она представляет собой объект социолингвистических исследова-

выражениями. См. С. Шулежкова, “Никем не охраняемый памятник”, ук. соч., сс. 147-152.

¹¹ Ниже мы более подробно рассмотрим примеры, широко употребляемые в быту, а также их возможные источники и модификацию значений.

¹² L. Kaganovsky, “The Cultural Logic of Late Socialism”, *Studies in Russian and Soviet Cinema*, 2009 (III), 2, с. 185.

¹³ А. Юрчак, *Это было навсегда, пока не кончилось*, Москва 2014, с. 45.

ний, приобретает фольклорные черты, относится к ностальгическому дискурсу, но в то же время претерпевает незначительные изменения и адаптацию к современности. Отбор примеров, кроме их оптимальной иллюстративности и соответствия основной тематической линии исследования, обусловлен также дидактическими целями¹⁴.

Конец 60-х гг. и 70-е гг. — самый пик так называемого периода брежневского застоя, признан критиками как один из самых ярких и продуктивных в истории советского кинематографа¹⁵. Если посмотреть данные, собранные автором *Большого словаря крылатых фраз и афоризмов отечественного кино* А. Кожевниковым, то можно отметить, что подавляющее большинство фильмов, подаривших огромное количество крылатых выражений (более 50) приходится на годы правления Брежнева, и около 80% из них относятся к кинокомедии¹⁶. Уже в 60-е гг. этот жанр набирает обороты, благодаря отцу “грустной комедии”, Эльдару Рязанову, снявшему в 1966 г. картину *Берегись автомобиля*, в которой “вывел на экран и осудил то социальное явление, которое потом назовут коррупцией, а по сути всеобъемлющую ‘теневую’ экономику, процветавшую в подполье экономики социалистической”¹⁷. А в 70-х гг. появятся *Невероятные приключения итальянцев в России*, *Ирония судьбы, или с легким паром!*, *Служебный роман* и *Гараж*.

Два других ярких представителя того времени, чьи комедии стали классикой, — Леонид Гайдай и Георгий Данелия.

Своей популярностью киноцитаты обязаны не только таланту актеров, произнесших реплики в запоминающейся манере, но и, как ни странно, обыденности контекста, за счет которого они приобрели абсолютную универсальность. Обыденности, которая, как показывает Бойм, казалось бы, “сопротивляется эстетизации и анализу”¹⁸, но во многих советских картинах, таких как рязановские *Ирония судьбы...* и *Служебный роман*, она приобретает почти сакральный смысл. Наталия Лескисс, анализируя самую популярную новогоднюю комедию советских времен отмечает: “По сравнению с более ранним рязановским фильмом ‘Карнавальная ночь’, в ‘Иронии судьбы...’ происходит приватизация и интимизация праздника, перенос его из общественного пространства в частное”¹⁹. Подобный процесс происходит не только с ритуальными праздничными фильмами: “Вчерашний положительный герой должен переродиться, пройти жизненный путь наоборот, от социального к личному, от эпической доминанты к сентиментальной составляющей. Он должен принять законы и формы быта (и потребления)”²⁰.

Поэтика повседневности во времена “устоявшегося социализма” приходит на смену стремлению к будущему и жажде грандиозных социально-экономических изменений. Зритель все чаще узнает детали собственного быта и проекции отношений семейных или рабочих. Достаточно вспомнить сцену из *Служебного романа*, в которой утром все женщины накладывают макияж на рабочем месте, секретаршу Верочку, примеряющую заграничные сапоги и создающую контраст с Людмилой Прокофьевной Калугиной, которую в отделе прозвали мымрой²¹, или Анатолия Ефремовича Новосельцева с его ироничным

¹⁴ О киноцитатах в обучении русскому как иностранному см. Д. Садуллаева, “Использование киноцитаты на уроках РКИ”, *Russian Language Journal*, 2012, 63, сс. 167–183. Автор статьи разделяет классические фильмы с точки зрения историков кино и с дидактической точки зрения, где под последними в подавляющем большинстве подразумеваются комедии. Критерии отбора фильмов для РКИ, по сути, совпадают с данными словарей о распространенности тех или иных выражений в бытовой речи. Знакомство с киноцитатами, по сути, выполняет двойную функцию: сугубо лингвистическую и страноведческую. Последняя помогает глубже понять не только культуру Советского союза, но и разобраться в феномене ностальгии по недавнему прошлому. Выражаю отдельную благодарность Maria, Анна, Aleksandra Ubleis за ценные советы и поддержку.

¹⁵ Нея Зоркая называет 70-е гг. “годами, которые имеют исключительно важное значение как прямая предтеча многих сегодняшних явлений”, Н. Зоркая, *История отечественного кино XX век*, Москва 2014, с. 413.

¹⁶ А. Кожевников, “Киноцитата в разговорной речи”, *Современный городской фольклор*, под ред. А. Белоусова — И. Веселова — С. Неклюдова, Москва 2003, с. 669.

¹⁷ Н. Зоркая, *История*, ук. соч., с. 414.

¹⁸ С. Бойм, *Общие места*, ук. соч., с. 10.

¹⁹ Н. Лескисс, “Фильм ‘Ирония судьбы...’: от ритуалов солидарности к поэтике измененного сознания”, *Новое литературное обозрение*, 2005 (LXXVI), 6, с. 325.

²⁰ G. Buttafava, *Il cinema russo e sovietico*, Milano 2000, с. 195.

²¹ Мымра — угрюмый человек, в основном женщина. Слово стало широко распространенным после выхода фильма Рязанова.

вступительным монологом.

К рассмотренным выше комедиям Рязанова в этом смысле присоединяется и экранизация пьесы Михаила Булгакова *Иван Васильевич*. В киноадаптации произведения Леонид Гайдай не только варьирует название (*Иван Васильевич меняет профессию*), но и переносит действие из 30-х гг. в 70-е гг. Цензура запретила режиссеру снимать достоверно историческое кино, опасаясь слишком явных параллелей между 70-ми гг. и эпохой опричного террора, из-за риска развенчать героический имидж Грозного, но при этом оставила относительную свободу в освещении пороков и слабостей современности²².

Смешивая эпохи, комический эффект легко достигается за счет сохранения этого противопоставления в бытовом и лексическом плане: “Дорогой царь, нам пора. — Поелико мы зело на самолет опаздываем”. Царь и самолет — сложно совместимые понятия, “бытовой оксюморон”, усиленный устаревшими словами “поелико” (так как, поскольку) и “зело” (много).

Несмотря на достаточно высокую частотность, новые поколения нередко употребляют устойчивые выражения из фильмов без привязки к определенному культурному контексту и зачастую не только не могут идентифицировать источник, но и не всегда отдают себе отчет в том, что используют киноцитату²³. Рассмотрим несколько примеров “смещенной этимологизации”.

Экранизация пьесы Брендона Томаса *Тетка Чарля*, вышедшая в Советском союзе в 1975 г. (режиссер — Виктор Титов) под названием *Здравствуйте, я ваша тетя!* стала своеобразным прорывом благодаря прекрасной игре Александра Калягина, ставшего первым мужчиной в истории советского кинематографа, которому довелось воплощать на экране женскую роль. Леонид Парфенов в выпуске телепередачи *Намедни*²⁴, посвященной 1975-ому году назовет

ее “любимой эксцентрической комедией десятилетия”²⁵, а выражение “здрасьте, я ваша тетя”, по мнению ведущего, с момента выхода картины перестало быть просто поговоркой. Иными словами, на момент записи программы в 90-ые гг. оно воспринималось как один из малых жанров фольклора, что подчеркивает и разговорное произношение приветственного слова. *Большой словарь русских поговорок* В. Мокиенко и Т. Никитиной в качестве источника реплики указывает Королеву Марго, персонажа кинокомедии *Легкая жизнь* 1964 г. (режиссер — Вениамин Дорман), которую сыграла Фаина Раневская. Значение, приведенное в соае, определяет реплику как “разговорное выражение удивления по поводу нелогичности высказывания”²⁶. Героиня Раневской, чтобы заставить съехать с квартиры друга Александра Петровича Бочкина, подпольного предпринимателя, в роли которого выступил Юрий Яковлев, подыгрывая ему, произносит следующую фразу: “Здравствуйте! Я ваша родна тетя. Приехала из Киева, буду у вас жить”. К неологизмам, появившимся во второй половине 20-го в. относит его и *Словарь новых русских слов русского языка* с отметкой прост. “употребляется для выражения удивления или недовольства”²⁷.

Если же обратиться к художественной литературе советского периода, то можно найти примеры его употребления в одном из самых известных романов новейшего времени, *Мастере и Маргарите* (1928–1940)²⁸ Михаила Булгакова. Загадочный эпизод, в главе X, когда исчезает Степа Лиходеев, и в то же утро приходит телеграмма (с сообщением о том, что его нашли в Ялте, боси-

выходившей в начале 90-х гг. Каждая серия длилась 36 минут и была посвящена одному году, рассказанному через самые значимые события. На экране сменяли друг друга политические, социальные и культурные эпизоды с кратким комментарием.

²⁵ Запись доступна по адресу: <<https://www.youtube.com/watch?v=-6laQh0vXY4>> (последнее посещение 14/09/2019).

²⁶ *Большой словарь русских поговорок*, под ред. В. Мокиенко — Т. Никитиной, Москва 2007, с. 663.

²⁷ *Словарь новых русских слов*, ук. соч., с. 173.

²⁸ Согласно свидетельствам Катаева, роман задумывался Булгаковым уже в 1923–1924 гг., но документальные подтверждения восходят к 1928–1929 гг. См. И. Белобровцева — С. Кульбюс, *Роман М. Булгакова “Мастер и Маргарита”*. Комментарий, Москва 2007, с. 7.

²² См. И. Михайлова, “С юбилеем, ‘Иван Васильевич’! Кинокомедия Л.И. Гайдая: смешно, но не только...”, *Новейшая история России / Modern History of Russia*, 2014, 2, сс. 143–156.

²³ См. А. Кожевников, “Киноцитата”, ук. соч., сс. 667–668.

²⁴ Полное название передачи — *Намедни 1961–91. Наша эра*. Это авторская программа Леонида Парфенова, запущенная в 1997 г. после провала *Намедни* в формате документальной хроники,

ком и в ночной сорочке), которую сперва читает администратор варьете Варенуха, а затем передает ее финдиректору Римскому, сопровождается репликой: “ — Здравствуйте, я ваша тетя! — воскликнул Римский и добавил: — еще сюрприз!”²⁹.

Эту же фразу мы находим у Ильи Ильфа и Евгения Петрова в пьесе *Под куполом цирка*, написанную в 1934 г. в соавторстве с Валентином Катаевым, по мотивам которой был снят фильм *Цирк*, но имена авторов не появляются в титрах из-за несогласия с режиссерской трактовкой: “Заболел? Здравствуйте, я ваша тетя! Как же я теперь без жонглера?”³⁰.

Но, как свидетельствуют процитированные выше словари, своей популярностью выражение обязано все-таки кинофильмам, которые стали своего рода проводником “фольклоризации”, в то время как возможные литературные источники совсем не упоминаются.

Подобный процесс прошла и знаменитая фраза из *Джентельменов удачи* (1971, режиссер — Александр Серый) “Кинà не будет. Электричество закончилось”, вторая часть которой зачастую опускается. Прочно укоренившаяся в сознании как киноцитата, на самом деле встречается ранее в литературных текстах. Например, Национальный корпус русского языка приводит следующие случаи употребления этого выражения, предшествующие году выхода фильма: “ — Кинà не будет! — раздался крик на докладе, и зал опустел. Контора заготавливает голубиный помет или тигровые когти (или башлык)”. (И. Ильф, *Из записных книжек 1927-1928 гг.*); “А Спириин загремел дверцей будки, дурашливо крикнул: — Граждане, кинà не будет, освободите места!” (В. Чивилихин, *Про Клаву Иванову*, 1964)³¹. В этих

текстах выражение не имеет прямого значения, а сообщает о том, что какое-то событие или мероприятие не состоится, поэтому ожидание бесполезно.

Еще одним примером распространенного мифа о кинопроисхождении крылатого выражения, является фраза “Иди в баню!”, которую часто связывают с, без преувеличения, культовой кинокомедией *Ирония судьбы...*, которая давно стала не только символом эпохи, но и обросла ритуальностью³². Поход в баню — одно из главных сюжетобразующих фильма, именно на нем построена завязка³³. И вместе с историей о двух совершенно одинаковых квартирах на улицах с одинаковым названием и номером дома, составляют “миф о повседневной жизни”³⁴, который Рязанову удалось вывести в другую точку восприятия, когда “ненависть к крепостям быта”³⁵ по-маяковски оказалась действительно тщетной. Призыв идти в баню был знаком в советское время и по плакату 1932 г. неизвестного автора.

Но значение, которое набрало популярности после выхода на экран новогоднего фильма Эльдара Рязанова, было известно намного раньше³⁶. В данном случае источник не литературный, а собственно народный, но давно забытый. К этому выражению обычно прибегают, чтобы отмахнуться от назойливого человека, на чьи вопросы не очень хочется отвечать, выражая тем самым намерение избавиться, отделаться от кого-либо. В своем словаре Мокиенко и Никитина указывают происхождение от пожелания отправиться к баеннику, банному черту, о котором подробно пишет российский этнограф-беллетрист 19 в., Сергей Максимов в своем собрании верований, связанных с нечистой силой:

²⁹ М. Булгаков, *Мастер и Маргарита*, Он же, *Полное собрание сочинений в 8-ми томах*, I-VIII, IV, Москва 2013, с. 243.

³⁰ И. Ильф — А. Петров, *Под куполом цирка*, Они же, *Собрание сочинений в 5-ти томах*, I-V, III, Москва 1961, с. 495. К этому списку можно добавить цитату из рассказа В. Катаева Порт, который поначалу был лишь эпизодом романа *За власть советов (Катакомбы)*, а затем в 1957 г. автор превратил его в самостоятельное произведение: “А какой-нибудь румынский жук забежит вперед, даст в управлении порта хабара, и тогда — здравствуйте, я ваша тетя!”, В. Катаев, *Собрание сочинений в 9-ти томах*, I-IX, I, Москва 1968, с. 318.

³¹ См.: <http://processing.ruscorpora.ru/search.xml?sort=i_grtgging&lang=ru&text=lexform&req=кина%20не%20будет&mode

[=main&env=alpha&nodia=1&p=1](#)> (последнее посещение 29/09/2019).

³² Об этом Н. Лесскис, “Фильм ‘Ирония судьбы...’”, ук. соч., сс. 314-327.

³³ См. G.P. Piretto, “*Ironija sud'by, ili s legkim parom (Ironia del destino, E. Rjazanov, 1975)*”, *Il cinema russo attraverso i film*, под ред. A. Cervini — A. Scarlato, Roma 2013, сс. 209-231.

³⁴ С. Бойм, *Общие места*, ук. соч., с. 12.

³⁵ Р. Якобсон, “О поколении, растратившем своих поэтов”, Он же, *Смерть Владимира Маяковского*, Paris — Mouton 1975, с. 18.

³⁶ Справедливости ради стоит сказать, что в фильме фраза “Иди в баню!” имеет скорее прямое значение, чем переносное.

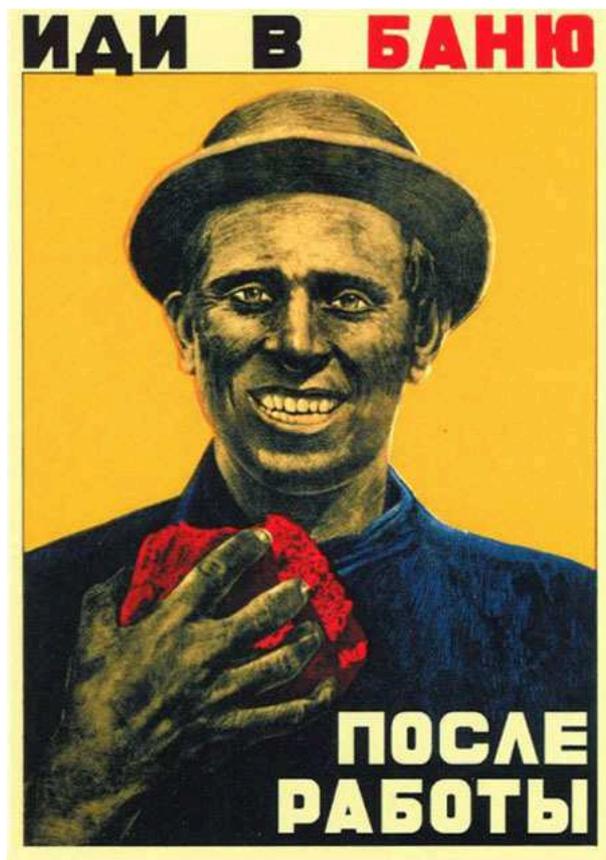

Fig. 1. Социальный плакат "Иди в баню после работы" 1932 г.

баенник моется после всех, обыкновенно разделяющихся на три очереди, а потому четвертой перемены или четвертого пара все боятся. После трех перемен посетителей, в бане моются черти, лешие, овиинники и сами банники. Если кто-нибудь в это время пойдет париться в баню, то живым оттуда не выйдет: черти его задушат, а людям покажется, что тот человек угорел или запарился. Это поверье о четвертой роковой банной "смене" распространено на Руси повсеместно³⁷.

На сегодняшний день мало кто ассоциирует это выражение с настоящим фольклорным источником, превратив его, через киноцитату, в псевдофольклор с отдельной историей.

Большинство крылатых выражений, однако, становятся таковыми с легкой руки сценаристов и благодаря актерскому таланту воплотителей. Одним из популярных источников киноцитат стал фильм Леонида Гайдая *Бриллиантовая рука* с Юрием Никулиным, Анатолием Папановым и Андреем Мироновым. Приведем самые знаменитые выражения: "Чтоб ты жил на одну

зарплату!" Угроза подобного "проклятия", впрочем, была понятна не только советским гражданам, но и тем, кто преодолел переходной период после его распада. Многим приходилось подрабатывать в свободное от основной работы время (например, манекенщиком, как Геша Козодоев в *Бриллиантовой руке*, профессия, которая в Советском Союзе не была в почете) или одалживать деньги "до получки" у соседей или коллег, как делает герой *Служебного романа* Новосельцев. Не потеряла она своей актуальности по сей день, а СМИ часто иронизируют таким образом, намекая на коррупцию во всех ее проявлениях: "Чтоб ты жил на одну зарплату. Как провинциальные чиновники набивают карманы" (АИФ, 21/01/2019) или "Чтоб ты жил на одну зарплату: для выхода из ЕС Британия жертвует Кэмэроном" (Политическое обозрение, интернет-ресурс)³⁸.

В этом же фильме встречается еще одно отражение пропаганды весьма скромного образа жизни, где нет места излишкам: "Наши люди в булочную на такси не ездят". Пользоваться такси считалось практически зазорным, особенно на короткие расстояния, да и заказать услугу, находящуюся в государственной "юрисдикции", было довольно сложно. В современном языке может применяться в любом ироническом контексте с описанием реальной или мнимой роскоши.

Советские граждане не только не ездили на такси, но и табуировали понятие секса. На страже добропорядочности была фраза "Руссо туристо облик морале!" В контексте фильма, где во время прогулки по Стамбулу местная проститутка пытается увлечь за собой одного из героев, Семена Семеныча, но в этот момент вмешивается следящий за ним контрабандист Геша, и на таком макароническом языке пытается объяснить, почему тот не может за ней последовать. Раньше выражение использовалось для определения скромных туристов из Советского союза, сегодня же значение сместилось в сторону русского туриста, не всегда знающего, как правильно себя вести

³⁷ С. Максимов, *Нечистая, неведомая и крестная сила*, Санкт-Петербург 1903, сс. 50-51.

³⁸ См.: <<https://politobzor.net/88643-chtob-ty-zhil-na-odnu-zarplatu-dlya-vyhoda-iz-es-britaniya-zhertvuet-kemeronom.html>> (последнее посещение 23/09/2019).

за границей, “дикого русского”³⁹.

Семен Семеныч подвергается искушению не единожды, для этого к нему подсылают красавицу Анну Сергеевну, которая предлагает ему бокал вина с подсыпанным в него снотворным. В момент, когда Анна оказывается топлесс, в комнату входят управдом, ее помощница и жена Семена Семеныча. В свое оправдание полуголая женщина кричит: “Не виновата я! Он сам пришел!”. Фраза используется для иронического утверждения невинности⁴⁰.

Поскольку фильм построен на истории о банде жуликов, работающих под руководством некоего Шефа, которые должны перевезти в гипсе из-за границы драгоценности с целью перепродажи (по стечению обстоятельств гипс вместе с драгоценностями накладывают на руку честному советскому гражданину Семену Семеновичу Горбункову, который во всем сознается капитану туристического лайнера и соглашается играть роль “наживки”), многие комические моменты построены на двойном смысле. Так, реплика случайно подсевшего к жуликам в ресторане жителя Колымы: “Будете у нас на Колыме, милости просим” — заставляет поперхнуться героя Миронова Гешу Козодоева, ответившего: “Нет, уж лучше вы к нам!”. Будучи в не очень корректных отношениях с законом, для него это плохое предзнаменование, так как Колыма была краем советских тюрем и лагерей. Выйдя за пределы фильма, фраза означает формальное приглашение в гости, когда обе стороны знают, что визит вряд ли когда-либо состоится.

Бытовая действительность не могла обойтись и без кулинарного искусства. Прочитируем два выражения, широко употребляемых по сей день. “Какая гадость эта ваша заливная рыба!”⁴¹ —

протяжно произносит Ипполит из *Иронии судьбы...*, попробовав новогоднее угощение своей невесты. Заливная рыба считалась праздничной едой, хотя ее можно было найти и в обычной кулинарии, разрекламированной после введения “рыбного дня” в 1932 г. Анастасом Микояном для восполнения дефицита мяса. Каждый четверг столовые предлагали рыбное меню, которое пытались разнообразить всевозможными способами. О важности рыбной промышленности свидетельствует образование в 1939 г. отдельного Наркомата рыбпрома, а до этого отрасль находилась под управлением общего Наркомата пищевой промышленности. Одним из интересных свидетельств того периода является плакат, рекламирующий рыбный четверг со схематичными рыбинами и выполненным из ракушек, моллюсков, ракообразных и водорослей в манере Арчимбольдо профилем Генерального секретаря⁴².

Fig. 2. Плакат, Наркомат рыбпрома и общепит СССР в поддержку рыбного дня, 1939 г.

На тарелке с надписью “Общепит СССР” изображен колосок пшеницы в виде разделительной линии, по бокам которого автор разместил окорок и рыбную тушку. Весь этот натюрморт “взят в скобки” серпом и молотом — государственными символами. В послевоенный период, начиная с 1946 г., появится Министерство рыбной промышленности, выпускающее плака-

³⁹ Тему столкновения представителей разных культурных кодов: восточного и западного обыгрывал в своем юмористическом романе *Наши за границей* (1890 г.) еще Н. Лейкин. Роман стал одним из ярких примеров массовой литературы конца 19 века.

⁴⁰ Юлия Щербина в своей книге о современности и книжной культуре использует ее для раскрытия темы пиратства, в которой часто потребитель использует принцип: “Не виновата я! Он сам пришел” для оправдания покупки контрафактного контента, Ю. Щербина, *Время библиоскопов. Современность в зеркале книжной культуры*, Москва 2016, с. 247.

⁴¹ Фрагмент фильма, в котором звучит эта фраза доступен по адре-

су: <http://ls.pushkininstitute.ru/storage/kino/irosudb_af_3/> (последнее посещение 14/09/2019). Здесь пример о том, как фраза используется в дидактических целях (она включена в тесты по ТРКИ на продвинутом уровне).

⁴² Ср. с портретом Рудольфа II в образе Вертумна.

ты с призывом граждан покупать готовую рыбную продукцию.

Fig. 3. Плакат “Экономьте время. Покупайте рыбную кулинарию”, 1952 г.

Так неужели эта самая заливная рыба была настолько противной на вкус? Герой Яковлева таким образом выразил неприятие сложившейся ситуации, в которой ему была отведена второстепенная роль из-за вторжения Жени Лукашина. Поэтому эту фразу даже сегодня используют именно в этом значении, при осуждении чего-либо, не обязательно еды.

На плакатах нередко встречались также изображения черной и красной икры под лозунгом “Кетовая икра полезна и вкусна”, но, как и многие другие “деликатесные” консервы ее было достаточно сложно достать.

На игре слов и иронии построен эпизод из уже упоминавшегося фильма *Иван Васильевич меняет профессию*, в которой показана сцена царского стола: “Икра красная, икра черная, икра заморская баклажанная”. Дорогостоящая рыбная икра подана в изобилии, в то время как копеечное блюдо из баклажан представлено как иностранный изыск. В Советском союзе, на са-

Fig. 4. Плакат “Кетовая икра полезна и вкусна”, 1949 г.

мом деле, достать настоящую икру было далеко не так легко. Зато овощная, простаивавшая на прилавках в 60-е гг., получила невероятную рекламу благодаря фильму. До сих пор эта цитата пользуется широкой популярностью у гостеприимных хозяев. Как видно из приведенных примеров, киноцитата выполняет, в основном, игровую функцию в речи носителей языка, отражает общенность к определенному культурному пласту, становится частью городской обыденной речи (о чем свидетельствует их обилие в блогах, рекламе и массовой литературе, а также популярных в последнее время интернет-мемах).

Киноцитата из советских фильмов в постсоветское время становится не только проверенным способом стать “своим”, индикатором обладания необременительным способом остроумия, паролем, открывающим доступ к компании киноманов, но и подпиткой той ностальгией по ушедшему, которая за последние два десятилетия заняла прочное место во всех сферах общественно-политической и культурной действительности.